

Министерство науки и высшего
образования Российской Федерации

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева»
Институт прокуратуры

Уральский юридический вестник

Выпуск 2

Екатеринбург – 2024

Абабкова Арина Юрьевна

Уральский государственный юридический

университет имени В.Ф. Яковлева

Екатеринбург, Россия

e-mail: arina_ababkova@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ОТЗЫВАХ ПАЦИЕНТОВ

Аннотация: В настоящей статье анализируется актуальная в судебной практике проблема защиты персональных данных медицинских работников, которые распространяются в отзывах пациентов в сети Интернет, предлагаются критерии допустимости вмешательства СМИ в частную жизнь граждан, которыми нужно руководствоваться при рассмотрении такой категории споров.

Ключевые слова: персональные данные, защита персональных данных, субъект персональных данных, общественный интерес, обработка персональных данных, общедоступные персональные данные, конкуренция норм.

В соответствии со статьей 152 ГК РФ лицо, в отношении которого в сети Интернет распространены порочащие сведения, вправе требовать их удаления и опровержения. Такими способами защиты чести и деловой репутации могут воспользоваться и медицинские работники в случае, когда на сайтах в сети Интернет, предназначенных для оставления пациентами отзывов об оказанных им медицинских услугах, о профессиональной деятельности врачей, пациенты размещают не соответствующую действительности информацию (Красавчикова, 1994:122-250).

Право на защиту персональных данных медицинских работников как информации об их частной жизни гарантировано Конституцией РФ. Однако сведения о качестве оказанных медицинских услуг имеют общественное значение, размещение отзывов о профессиональной деятельности врачей необходимо тем лицам, которые нуждаются в услугах высококвалифицированных врачей данной специальности, поэтому само по себе распространение данной информации на сайтах в сети Интернет не является нарушением прав субъекта персональных данных. Владелец сайта в сети Интернет вправе не удалять отрицательный отзыв пациента об оказанных последнему медицинских услугах, при этом он вправе обрабатывать общедоступные персональные данные врача без согласия последнего.

Если данный сайт представляет собой средство массовой информации, его администратор может осуществлять обработку общедоступных персональных данных без согласия медицинских работников, при этом сохраняется право последних на опровержение данной информации, если она противоречит действительности. В противном случае удовлетворение исковых требований медицинских работников об удалении отзыва в сети Интернет приведет к нарушению права СМИ на доведение информации до заинтересованных лиц. Частью 3 статьи 9 Федерального закона «О персональных данных» предусмотрена обязанность оператора доказать факт получения согласия субъекта на обработку его персональных данных. Согласно статье 7 данного закона, оператор не вправе распространять персональные данные лица без его согласия. Однако в соответствии со статьей 6 допускается обработка персональных данных лица в целях осуществления профессиональной деятельности СМИ, если это не нарушает права субъекта персональных данных. Данный вопрос разъясняется в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2010 № 16 «"О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"». В п.5 ч. 1 статьи 49 данного закона запрещается обработка, распространение без согласия лица информации о его личной жизни, за исключением случая, если это

необходимо для реализации общественных интересов. Понятие «общественный интерес» разъясняется в п. 25 Постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2010 № 16, исходя из которого можно полагать, что поскольку медицинский работник осуществляет публичную деятельность, СМИ должно предоставлять гражданам информацию по вопросам осуществления медицинской деятельности. Поскольку вопрос качества оказываемой медицинской помощи затрагивает интересы неопределенного круга лиц, распространение персональных данных врачей необходимо для удовлетворения потребности пациентов в получении информации о профессиональной компетентности медицинских работников. Жизнь и здоровье человека - ценности, охраняемые Конституцией РФ, поэтому информация о качестве оказываемой данным медицинским работником помощи представляет собой общественный интерес (Гаврилов, 2019:211-216).

Данный вопрос также регламентируется п. 7 ч. 1 ст. 79 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", в соответствии с которым граждане вправе получать информацию о медицинской деятельности, квалификации врачей. Поскольку данной нормой предусмотрена обязанность размещать сведения о медицинских работниках на сайтах медицинских учреждений, следовательно, они являются общедоступными, субъект персональных данных предоставляет персональные данные своему работодателю – медицинской организации. П. 4 ч. 4 статьи 22 ФЗ «О персональных данных» регламентировано право оператора на обработку общедоступных персональных данных лица без согласия органа по защите прав субъекта персональных данных. Таким образом, в отзывах пациентов содержатся персональные данные медицинских работников, которые размещаются на сайтах медицинских организаций и являются общедоступными. Право граждан на получение информации о конкретном лице, оказывающем услугу, также предусмотрено п. 2 статьи 10 Закона РФ «О защите прав потребителей», сведения о медицинском работнике являются существенными для пациента. Следовательно, распространение медицинской организацией и в последующем пациентами в оставляемых на сайтах в сети

Интернет отзывах персональных данных медицинских работников, являющихся общедоступными, не противоречит нормам российского законодательства (Гонгало, 2017: 219-251). Согласно статье 6 ФЗ «О персональных данных», не требуется получение согласия субъекта на обработку его персональных данных в случае, если это необходимо для осуществления профессиональной деятельности журналиста, СМИ, для реализации общественно значимых целей, при этом не нарушаются права субъекта персональных данных. Данное положение необходимо толковать с позиции пункта 1 статьи 152.2 ГК РФ. При этом определяющим фактором при решении вопроса о допустимости размещения в сети Интернет персональных данных медицинского работника является не публичный характер его деятельности, а общественный интерес в опубликовании данной информации. СМИ размещает отзыв пациента, содержащий персональные данные врача, которые ранее уже были опубликованы, при этом СМИ не обладает информацией, были ли ранее медицинской организацией, обязанной на основании п. 7 ч. 1 статьи 79 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» публиковать данные о профессиональной деятельности медицинских работников данной организации, соблюдены требования к ее обнародованию. То обстоятельство, что опубликование в сети Интернет информации о враче связано с независимой оценкой качества оказываемых медицинских услуг, не свидетельствует о том, что доступ к таким сведениям ограничен лишь данной целью.

Удаление персональных данных медицинского работника с официального сайта медицинской организации влечет обязанность операторов сайтов в сети Интернет актуализировать сведения, размещенные на интернет-ресурсах («право на забвение»).

Необходимо также рассмотреть вопрос о том, насколько законно размещение в сети Интернет отзывов пациентов о профессиональной деятельности медицинских работников. Поскольку право на распространение информации гарантировано статьей 29 Конституции РФ, пациент вправе

выражать субъективное мнение о качестве оказываемой медицинской помощи и квалификации медицинских работников. При этом у врача есть право на опровержение данной информации.

Рассматриваемая в настоящей статье проблема, связанная с распространением в отзывах пациентов персональных данных медицинских работников, коррелирует с правом врача на неприкосновенность его частной жизни. Таким образом, в данных отношениях проявляется конкуренция норм, регламентирующих право СМИ на получение и распространение информации, содержащей персональные данные медицинских работников, право граждан на получение информации о медицинской деятельности, квалификации врачей и норм, которые закрепляют право граждан на охрану частной жизни. Согласно Определению КС РФ № 248-О от 9 июня 2005 г., право на неприкосновенность частной жизни означает в том числе гарантированную государством возможность осуществлять контроль над распространяемой о гражданине информацией. Понятие «частная жизнь» представляет собой сферу жизнедеятельности человека, которая относится к конкретному лицу и не контролируется обществом и государством в случае ее правомерности. Существует очень тонкая грань между данными конкурирующими нормами, и СМИ, реализуя свое право на получение и распространение общедоступных персональных данных медицинских работников, которые ранее были размещены медицинской организацией, должны соблюдать право врачей на неприкосновенность и защиту частной жизни. Необходимо установить баланс между данными правами, в силу этого нужно выделить критерии, определяющие пределы права СМИ на вмешательство в жизнь медицинских работников. К таким критериями следует отнести определение, каково значение данных сведений при рассмотрении значимых для общества вопросов, степень известности лица, персональные данные которого распространяются на сайтах в Сети Интернет, содержание, предмет и достоверность размещенной информации. Правовое регулирование позволяет соблюдать баланс между частными интересами медицинского работника и конституционной гарантией

свободы информации, поскольку в соответствии со статьей 49 Закона «О средствах массовой информации» журналист обязан проверять достоверность предоставленной ему информации, поэтому медицинский работник имеет право дать ответ на размещенную о нем информацию и требовать ее опровержения. Владелец интернет-сайта имеет ограниченную возможность в установлении достоверности информации, которая размещается на сайте третьими лицами, и возложение на него обязанности по проведению такой проверки приведет к нарушению гарантированной Конституцией РФ свободы слова. Следовательно, владелец сайта по своему усмотрению не может удалить информацию с сайта, в случае если несоответствие ее действительности не будет установлено судом. Сетевые издания не вправе публиковать сведения, не относящиеся к характеристике профессиональной деятельности медицинского работника (Трофимова, 2015:107-110).

Обязанность государства по контролю качества медицинской помощи и доступности информации об этом, в т.ч. обязанность медицинских учреждений публиковать информацию о врачах, не исключают потребность общества в обсуждении в СМИ данных вопросов, в опубликовании отзывов о квалификации медицинских работников. Но необходимо соотносить объем, способ получения и размещения данных сведений с правом гражданина на защиту его частной жизни. Суды при рассмотрении исковых заявлений медицинских работников по данной категории споров должны обращать внимание на следующие вопросы: представляет ли обсуждение профессиональной деятельности конкретного медицинского работника общественный интерес, является ли врач «публичным лицом», т.е. лицом, которое играет важную роль в общественной жизни. Закон об основах охраны здоровья граждан РФ регламентирует обязанность размещать на сайте медицинского учреждения список врачей, которые работают в нем. Данное положение закона преследует цель, заключающуюся не в оценке профессионализма конкретного медицинского работника, а в оценке качества условий оказания медицинской помощи в целом данной организацией

здравоохранения. Это положение должно учитываться судами при рассмотрении такой категории дел, баланс между правом пациентов на оставление отзывов, представляющих собой общественный интерес, и правом медицинского работника на защиту его частной жизни будет достигаться в том случае, если в отзывах будут обсуждаться условия оказания помощи медицинским учреждением, и не предлагаться персональная оценка конкретного медицинского работника. Кроме того, суды должны обращать внимание на то, имелась ли у медицинского работника возможность защиты своего права. Зачастую оставляемые в сети Интернет отзывы пациентов являются анонимными, в связи с чем весьма проблемным является вопрос оценки их объективности. Также нужно учитывать то, что медицинский работник не вправе разглашать сведения, составляющие врачебную тайну, поэтому он ограничен в возможности ответа на выраженную в сети Интернет и адресованную ему критику, ведь согласно статье 13 Закона об основах охраны здоровья граждан в РФ, врач не вправе разглашать даже факт обращения конкретного лица к нему для оказания медицинских услуг (Белик, 2015:78-84). Однако исходя из конституционных принципов состязательности и равноправия сторон, порядок предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, исключающий возможность ее предоставления третьим лицам, не препятствует заявлению в ходе судопроизводства ходатайства об истребовании данной информации судом. В случае установления факта систематического злоупотребления СМИ правом при опубликовании персональных данных врача, последний вправе в судебном порядке заявить требование о запрете размещения сетевым изданием сведений, содержащих его персональные данные. Но такое средство защиты своих прав, ограничивающее право на свободу информации, является исключительной мерой, применяется после проведения судом оценки существа обстоятельств, вызванных применением конкурирующих норм и в том случае, когда иные предусмотренные законом способы защиты не привели к восстановлению нарушенного права.

В случае установления факта распространения на сайте в сети Интернет сведений, порочащих деловую репутацию медицинских работников, последние вправе воспользоваться предусмотренным статьей 152 ГК РФ способом защиты нарушенного права. В обоснование исковых требований о защите чести, достоинства и деловой репутации медицинскому работнику необходимо предъявить доказательства того, что указанная в отзывах, размещенных в сети Интернет, информация не соответствует действительности.

Как следует из разъяснений Верховного Суда РФ, при рассмотрении такой категории дел судье необходимо установить, носит ли размещенная в сети Интернет информация, касающаяся оказанных пациенту медицинских услуг, оценочный характер или она представляет собой соответствующие действительности факты о ненадлежащем образом проведенном лечении. Для оценки соответствия действительности сведений о данных фактах необходимо проведение лингвистической экспертизы (Алексеев, 1981:250-302).

Наличие в каком-либо утверждении субъективных суждений не свидетельствует об отсутствии в нем фактов, и выражение негативного мнения о нарушении другим лицом положений законодательства, компетенции, напротив, даже содержит сведения о факте. Суд при рассмотрении такой категории дел должен обращать внимание на то, можно ли содержащуюся в отзыве пациента информацию проверить на соответствие действительности.

Важным в судебной практике является вопрос о том, кого следует привлекать в качестве ответчика по данной категории дел. Так, в случае предъявления исковых требований об удалении из СМИ порочащих деловую репутацию сведений ответчиком по делу будет выступать владелец данного сайта в сети Интернет, лицо, которое обладает возможностью удалить информацию. В качестве соответчика будет выступать автор данного отзыва, в случае же невозможности установления его личности судом будет установлен лишь факт распространения ложной, унижающей честь, достоинство медицинского работника информации.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод. Действующее российское законодательство регламентирует право СМИ на распространение общедоступных персональных данных лица без его согласия. Однако норма, закрепляющая право на свободное получение и распространение информации, конкурирует с нормой, провозглашающей право на неприкосновенность частной жизни лица, и для соблюдения баланса между свободой слова и правом на защиту частной жизни необходимо устанавливать, имелась ли у медицинского работника возможность удаления размещенных в сети Интернет и содержащих его персональные данные отзывов. Кроме того, суды при рассмотрении такой категории дел должны руководствоваться следующими критериями, определяющими допустимость вмешательства СМИ в частную жизнь граждан: содержание размещенной в сети Интернет информации, способ ее получения, общественная значимость и достоверность данной информации, «публичность» данного лица. Суду необходимо решать вопрос о достаточности предпринятых мер по опровержению размещенной в отзывах пациентов информации для того, чтобы заинтересованным лицам был обеспечен доступ к сведениям о фамилии, имени, квалификации врача.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. I. М., 1981. С. 250-302.
2. Белик В.Н. О правомерности законодательных ограничений конституционного права на неприкосновенность частной жизни / В.Н. Белик., А.М. Туркиашвили А.М. // Законы России: опыт, анализ, практика. М., 2015. № 7. С. 78 — 84.
3. Гаврилов Е.В. О новейшей практике Верховного Суда РФ по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации опороченных в сети Интернет // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. П., 2019. № 1. С. 211-216.

4. Гонгало Б.М. Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2017. С. 219-251.

5. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: диссертация доктора юридических наук: 12.00.03. - Екатеринбург, 1994. С. 122-250.

6. Трофимова, И.А. Обработка и хранение персональных данных. / И.А. Трофимова // Делопроизводство. М., 2015. № 3. С. 107-110.

Arina Yuryevna Ababkova

Ural State Law University

named after V.F. Yakovlev

Yekaterinburg, Russia

e-mail: arina_ababkova@mail.ru

**THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF PROTECTION
OF PERSONAL INFORMATION OF MEDICAL WORKERS IN PATIENT
REVIEWS**

Abstract: This article analyzes the actual problem of protecting the personal information of medical workers in judicial practice, which are distributed in patient reviews on the Internet, and suggests criteria for the admissibility of media interference in the private lives of citizens, which should be guided when considering such a category of disputes.

Keywords: personal information, protection of personal information, subject of personal information, public interest, processing of personal information, publicly available personal information, competition of norms.

Маргарита Сергеевна Антоненко

Уральский государственный юридический

университет имени В.Ф. Яковлева,

Россия, Екатеринбург

e-mail: rita_antonenko_01@mail.ru

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЭКСПЕРТА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос о возможности привлечения эксперта к имущественной ответственности за некачественное экспертное заключение. Автором приводятся условия удовлетворения иска к эксперту. Особое внимание уделяется общественным отношениям, возникающим в рамках судебной экспертизы. Рассматривается правовое регулирование ответственности эксперта, приводятся аргументы в пользу корректировки и совершенствования существующего механизма привлечения к имущественной ответственности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, имущественная ответственность, эксперт, экспертное заключение, гражданско-правовая ответственность эксперта.

В ходе рассмотрения судебного дела для установления юридически значимых обстоятельств, требующих специальных познаний, стороны гражданского процесса имеют право инициировать назначение судебной экспертизы (ст. 79 Гражданско-процессуального кодекса - далее ГПК, 82 Арбитражно-процессуального кодекса – далее АПК). Оплата расходов на её проведение (как правило) производится за счет сторон, участвующих в деле (ст. 96 ГПК, ст. 109 АПК).

При этом не имеет значения, проводится экспертиза в государственном судебно-экспертном учреждении или в негосударственной экспертной организации либо конкретным экспертом или экспертами, – по общему правилу экспертиза в процессе осуществляется на возмездной основе.

В большинстве случаев обязанность оплаты экспертизы возлагается на сторону, ходатайствующую о ее проведении. Различным является порядок оплаты экспертизы и возможна ее оплата за счет бюджетных средств.

В силу ч. 3 ст. 96 ГПК РФ суд, а также мировой судья могут освободить гражданина с учетом его имущественного положения от уплаты расходов, предусмотренных ч. 1 ст. 96 ГПК РФ, или уменьшить их размер. В этом случае расходы возмещаются за счет средств соответствующего бюджета.

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 96 ГПК РФ в случае, если вызов свидетелей, назначение экспертов, привлечение специалистов и другие действия, подлежащие оплате, осуществляются по инициативе суда, соответствующие расходы возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Судебный эксперт - лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном административным, гражданским, арбитражным или уголовным процессуальным законодательством для производства судебной экспертизы и дачи заключения (Россинская, 2005: 77).

Экспертная деятельность в Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹. Однако в данном законе непосредственно виды ответственности эксперта не закреплены. Также в кодифицированных нормативно-правовых актах, в федеральных законах и иных НПА отсутствуют специальные нормы об имущественной ответственности эксперта в случае, если экспертиза вовсе не была предоставлена, либо не соответствует требованиям, предъявляемым к доказательствам, либо имеет неустранимые неточности, либо содержит вероятностные выводы,

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. ст. 2291

предусматривающие имущественную ответственность эксперта за неподготовку или некачественную подготовку экспертного заключения.

При этом, как отмечают некоторые авторы (Батищев, Громов, Карапетов, 2022: 1496) в соответствии с Гражданским кодексом РФ применяются общие нормы об ответственности за нарушение договора (ст. 401 ГК РФ), а также внедоговорная ответственность в случае причинения вреда (гл. 59 ГК РФ), неосновательное обогащение (гл. 60 ГК РФ). Данные положения могут быть применены, по мнению автора, исключительно при исполнении договора возмездного оказания экспертных услуг между стороной судебного разбирательства (заказчиком) и экспертной организацией (исполнителем), т.е. когда экспертиза не судебная, а представляет собою «иное письменное доказательство».

Тогда возникает вопрос: какие отношения образуются между судом, по определению которого назначается экспертиза и который переводит с депозита суда гонорар за подготовленное заключение, и экспертом, лицом, содействующим правосудию? Можно ли их назвать гражданско-правовыми?

Думается, что нет. Судебная экспертиза является процессуальным действием, которое осуществляется строго в рамках соответствующего процессуального кодекса. ГПК РФ, например, регламентирует порядок назначения экспертизы, порядок ее проведения, а также порядок оплаты. Отношения между экспертом и судом возникают и существуют в публичной сфере при отправлении правосудия; законодатель называет денежные средства, подлежащие выплате эксперту, вознаграждением, а не платой за выполненные работы - следовательно, данные отношения нельзя относить к гражданско-правовым и рассматривать по модели договорных (например, подрядных) (Лазарев, 2012: 60).

Кроме того, складывающиеся отношения в судебном разбирательстве ни между судом и экспертом, ни между стороной и экспертом, нельзя признать гражданско-правовыми, они являются сугубо процессуальными, то есть публичными, а не частными.

Как установлено п. 1 ст. 2 ГПК РФ, гражданское законодательство регулирует отношения, возникающие на основе равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности сторон. Хотя в определённых случаях автономия воли может быть ограничена (например, в случае обязательного заключения договора), в целом это ещё не лишает стороны самостоятельности. В случае же с отношениями «суд — эксперт» вторая сторона полностью лишена какой-либо самостоятельности, она лишь вправе претендовать на вознаграждение, все остальные права связаны только с процессуальными вопросами проведения экспертизы. Можно было бы предположить, что отношения между стороной (плательщиком) и экспертом регулируются положениями об обязательном заключении договора, но такая трактовка не соответствует ст. 445 Гражданского процессуального кодекса РФ, регулирующая заключение договора в обязательном порядке. Участник процесса сам не становится обязанным лицом перед экспертом, на него эта обязанность возлагается судом, и самостоятельного права требования к нему у эксперта не возникает. Нет здесь и никакой преддоговорной процедуры (оферты, акцепта), поскольку материалы дела и определение о назначении экспертизы уже у эксперта. Все права и обязанности сторон устанавливаются законом и определением суда, любое отклонение от них будет либо процессуальным нарушением, либо бессмысленным действием с точки зрения права.

Несмотря на процессуальный характер данных правоотношений, можно выделить несколько деликтов, которые может совершить судебный эксперт:

1. Повреждение или уничтожение объекта экспертного исследования.
2. Деликт, возникший в результате совершения экспертом преступления (дача заведомо ложного заключения).
3. Деликт, выразившийся в затягивании рассмотрения дела.
4. Составление экспертом в результате допущенной небрежности некачественного заключения, что вызвало необходимость проведения повторной экспертизы.

Остановимся подробнее на последнем.

Убытки, причиненные стороне судебного разбирательства судебным экспертом в результате составления некачественного экспертного исследования, крайне специфичны. Они не подпадают под определение вреда как основания возникновения деликтного обязательства и не являются следствием нарушения абсолютных прав потерпевшего (Затонова, 2017: 112).

Так, А (заказчик экспертного исследования в лице суда) и Б (носитель специальных знаний в лице судебного эксперта) связывает соглашение, нарушение которого причиняет убытки С (третье лицо по отношению к заключенному между А и Б договору в лице стороны дела, которой причинен вред).

На основании правового анализа норм отечественного права и сложившихся в доктрине подходов выявлены характерные признаки гражданско-правовой ответственности эксперта:

- такая ответственность должна быть неотвратимой (то есть наступает в случае нарушения экспертом своих обязательств);
- носит имущественный характер (по мнению автора, эксперт должен нести полную имущественную ответственность);
- такой ответственности свойственна восстановительная функция (поскольку она направлена на восстановление имущественного положения потерпевшей стороны).

Рассмотрим конкретное дело, чтоб разобраться возникает ли у эксперта гражданско-правовая ответственность и можно ли взыскать за некачественную экспертизу денежные средства.

В рамках рассмотрения дела № А45-20491/2022 в Арбитражном суде Новосибирской области по иску ООО «КПД-Газстрой» к ООО «Свердловский машиностроительный завод»¹, по ходатайству ответчика была назначена судебная экспертиза, производство которой было поручено эксперту Союза «Торгово-промышленная палата Новосибирский области» Колобовой Е.Л.

¹ Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 20 мая 2023 г. по делу № А45-20491/2022 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/H9tVetjYNiLp/?ysclid=lq0qz3wm9568243257> (дата обращения: 12.10.2023).

Стоимость экспертизы составила 140 000 (сто сорок тысяч) рублей.

ООО «СМЗ» заплатило указанную сумму на депозит суда, после чего данные денежные средства суд перевел в пользу Союза «Торгово-промышленная палата Новосибирский области».

Определением арбитражного суда Новосибирской области от 01.12.2022 удовлетворено ходатайство Союза «Торгово-промышленная палата Новосибирской области» о привлечении ООО «НПЦ Техсервис» для осуществления технической диагностики с применением специальных измерительных инструментов с целью использования результатов лабораторных исследований для производства судебной экспертизы.

Между тем, суд, оценив в соответствии со статьями 64, 67, 68, 71 АПК РФ указанное заключение эксперта, пришел к выводу, что выявленные пороки заключения исключают возможность его отнесения к надлежащим доказательствам по делу.

Что же это за пороки?

1. экспертное исследование фактически осуществлено не уполномоченным на проведение экспертизы лицом (привлеченным экспертом с ООО «НПЦ Техсервис»);

2. измерительная аппаратура прошла поверку уже после фактического осуществления измерений и даже по завершении проверки. Следовательно, результаты таких измерений нельзя рассматривать как достоверные.

3. отсутствует взаимосвязь между содержанием экспертизы и прилагаемыми фотоматериалами;

4. отсутствует логическая и причинно-следственная связь между содержанием экспертного заключения и полученными выводами;

5. результаты экспертизы свидетельствуют об отсутствии у эксперта в действительности, специальных познаний, необходимых для её проведения.

Таким образом, ООО «СМЗ» по своему ходатайству получило некачественное заключение, выполненное Союзом «Торгово-промышленная палата Новосибирский области», между тем заключение было оплачено судом в

полном объеме. Так, можно констатировать, что суд перечислил денежные средства с депозита на счет экспертной организации, далее – ООО «СМЗ» направило в адрес Союза «Торгово-промышленная палата Новосибирский области» претензию о добровольном возврате средств. Ответ на претензию был следующий - Никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы, заключение эксперта не является обязательным для суда. Т.е. Союз возражал, используя принципы оценки доказательств.

Достаточно долгое время доминировавшей являлась точка зрения, высказанная в Постановлении Президиума ВАС РФ от 05.04.2011, в соответствии с которой "выплата вознаграждения эксперту не ставится в зависимость от соответствия или несоответствия экспертного заключения требованиям, предъявленным судом"¹. Соответственно, непринятие заключения эксперта в качестве доказательства по делу само по себе не может являться основанием для освобождения стороны, заявившей о назначении экспертизы, от выплаты вознаграждения, или возмещения соответствующих расходов.

Как показало время, это привело к массовым злоупотреблениям и деградации экспертного сообщества, позиционирующей судебно-экспертную деятельность как успешный бизнес-проект, дающий прибыль "при любой погоде". Вредность подобного подхода для правосудия уяснил и правоприменитель, привнося в судебную практику новые прецеденты (Жижина, 2023: 88).

Так, отказ в выплате вознаграждения эксперту должен быть обусловлен признанием судом заключения эксперта недопустимым доказательством по делу. Обоснования принятия такого решения сводятся к наличию существенных нарушений формы и содержания. Причем существенных настолько, что их восполнение или устранение невозможно путем проведения иных судебных действий (допроса эксперта, дополнительной экспертизы), кроме как

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 05.04.2011 № 15659/10 по делу № А08-8887/2009-30 // СПС "КонсультантПлюс".

назначения нового экспертного исследования в том же объеме и по тем же объектам.

Приведем примеры мотивировок из судебных актов, в которых суд принимал решение об отказе в выплате денежных средств эксперту:

- привлечение к проведению экспертизы сторонних лиц, не предупрежденных в установленном порядке об уголовной ответственности, без исследования судом сведений об их профессиональной квалификации (Определение Верховного Суда РФ от 05.10.2022 N 304-ЭС22-19133 по делу N А67-4557/2019);

- отсутствие в заключении эксперта содержания и результатов исследования с указанием примененных методов, оценки этих результатов, обоснованных выводов по вопросам, поставленным в определении суда о назначении судебной экспертизы (Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2022 N 41-КГ22-22-К4);

- признание заключения эксперта недопустимым и ненадлежащим доказательством по причине несоответствия ст. 86 АПК РФ (> Определение Верховного Суда РФ от 16.04.2021 N 302-ЭС18-24444 по делу N А33-10919/2017).

При отказе, в указанных выше случаях, вознаграждение эксперта по заявлению плательщика возвращалось обратно или с согласия сторон проводилась повторная экспертиза с тех же средств.

Вместе с тем, к настоящему времени ситуация в данном вопросе уже однозначная. Решающее слово сказал Верховный Суд РФ: «расходы на оплату экспертизы, проведенной экспертным учреждением с нарушением закона, вследствие чего заключение экспертов признано недопустимым доказательством, не могут быть в таком случае возложены на лиц, участвующих в деле»¹.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.01.2018 № 5-КГ17-234 // Документ опубликован не был. Доступ Консультант Плюс.

Возвращаясь к фабуле дела, изложенной выше, можно сделать вывод, что суд имел право не выплачивать эксперту денежные средства за некачественную экспертизу до проведения повторной, однако не сделал этого, что представляется странным.

Но что же делать в таком случае проигравшему спор ответчику по данному делу (в апелляции решение уже вступило в силу) (либо возьмём шире – любое лицо), на которого была возложена обязанность по оплате некачественной экспертизы?

Представляется, что единственный возможный вариант – это взыскание убытков с экспертной организации.

Заинтересованная сторона, которая была вынуждена оплатить некачественную экспертизу, не лишена права обратиться в суд с иском о взыскании убытков в соответствующей сумме, и такой иск подлежит удовлетворению¹.

В соответствии со ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Как разъяснено в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25, по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков (пункт 2 статьи 15 ГК РФ). Вина в нарушении обязательства или в причинении вреда предполагается, пока не доказано обратное².

Так, ООО «СМЗ» произвело оплату за экспертизу в полном объеме, а в результате действий Союза «Торгово-промышленная палата Новосибирский области» возник реальный ущерб в размере 140 000 рублей.

¹ Апелляционное определение Мосгорсуда от 26.10.2016 по делу № 33-15577 // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/1a57f06e-486e-49fc-bc38-2b6330d89f88?ysclid=lq0rbdwbhz493241949> (дата обращения: 09.09.2023).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2015.

Кроме того, в связи с некачественным экспертным заключением Союза «Торгово-промышленная палата Новосибирский области», ООО «СМЗ» вынуждено было оплатить повторную экспертизу в размере 40 000 руб., проведение которой было поручено «ООО Сибирское бюро технической экспертизы».

Однако принципиальная возможность взыскания убытков с эксперта в отечественной практике отсутствует, в связи с чем видится необходимость проработать на законодательном уровне или на уровне пояснений Верховного суда следующий механизм привлечения к имущественной ответственности:

Правовое основание – установление вины эксперта в форме умысла или грубой неосторожности, а также причинно-следственная связь между деликтом и возникновением у потерпевшего вреда или экономических потерь.

Возмещение вреда в полном объеме (предел – ответственность только за свои действия и подготовленное заключение, без убытков).

Вид – прямая имущественная ответственность (эксперта перед потерпевшим), либо регрессивная (экспертной организации перед потерпевшим, а эксперта перед экспертной организацией).

Условием удовлетворения такого иска должна выступать предварительная – в деле, в котором производство экспертизы назначено судом – констатация судом ненадлежащего исполнения экспертом возложенных на него обязанностей.

В отсутствие такой судебной констатации такой иск к судебному экспертному учреждению не может быть удовлетворен, поскольку интересы осуществления правосудия требуют предоставления судебному эксперту в такой ситуации иммунитета от привлечения к гражданско-правовой ответственности (Затонова, 2022: 27).

Библиографический список

1. Жижина М.В. О выплате вознаграждения эксперту за проведение судебной экспертизы в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2023. № 3. С. 86 - 93.

2. Затонова Д.Ю. К вопросу о деликтной ответственности судебного эксперта // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2017. № 3. С. 111 - 121.

3. Затонова Д. Ю. Имущественная ответственность судебного эксперта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Затонова Дарья Юрьевна. - СПб., 2022. - 27 с.

4. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1496 с.

5. Лазарев С.В. Вопросы независимости эксперта и качества экспертного заключения в арбитражном процессе // Вестник ВАС РФ. - 2012. - № 8. - С. 58-69.

Margarita Se. Antonenko

Ural State Legal

University named after V.F. Yakovleva,

Russia, Yekaterinburg

e-mail: rita_antonenko_01@mail.ru

PROPERTY RESPONSIBILITY OF AN EXPERT: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

Abstract: This article discusses the possibility of bringing an expert to property liability for a poor-quality expert opinion. The author provides the conditions for satisfying a claim against an expert. Particular attention is paid to social relations arising within the framework of forensic examination. The legal regulation of expert

liability is considered, arguments are given in favor of adjusting and improving the existing mechanism for bringing to property liability.

Keywords: forensic examination, property liability, expert, expert opinion, civil liability of an expert.

УДК 342.9

Глухова С.А,

Леонтьева П. А.

Уральский государственный юридический университет

имени В. Ф. Яковлева,

г. Екатеринбург, Россия

e-mail: polina-leonteva-2003@mail.ru

**О ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ СРЕДИ ЛИЦ,
ОБЯЗАННЫХ ПРЕДСТАВЛЯТЬ СВЕДЕНИЯ О СВОИХ ДОХОДАХ, ОБ
ИМУЩЕСТВЕ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ИМУЩЕСТВЕННОГО
ХАРАКТЕРА**

Аннотация: Данная статья направлена на изучение проблем современного антикоррупционного законодательства и нахождения путей их решения. А в последующем совершенствование антикоррупционного законодательства, регламентирующего порядок представления лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также порядка представления сведений о своих расходах, в целях повышения эффективности реализации мер по противодействию коррупции, а также выявления, минимизации и устранения коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: коррупция, противодействие, супруг, должностное лицо, государственный служащий.

Проблематика по вопросам противодействия коррупции занимает особое место в юридической науке, что подтверждается многочисленными работами современных авторов (Митин, 2022:45-61). Конфиденциальность доходов и расходов не может существовать в рамках государственной службы, если лица занимающие государственные должности скрывают свои доходы, то они не должны иметь право на государственную гражданскую службу, поскольку есть возможность развития коррупции.

На сегодняшний день, контроль над гражданскими служащими в области представлении ими личных доходов и расходов эффективен не в полном объеме, поскольку при данной системе существуют проблемы самого контроля, наличие в нем коррупциогенных рисков. Вследствие чего возникают актуальные проблемы при выявлении коррупциогенных факторов (Матвеев, Семенов, Рассохин, 2020:48-53).

В настоящее время можно заметить рост значимости прозрачности финансовой деятельности лиц, замещающих должности государственной службы, вследствие этого необходимо вводить новые требования по предоставлению декларации о доходах и расходах. И важным изменением является расширение круга лиц, обязанных подавать декларацию. В частности, это касается тех лиц, кто фактически проживает совместно, ведущих общее хозяйство и воспитывающих несовершеннолетних детей, даже если они не состоят в официальном браке. Это решение направлено на повышение контроля за движением средств и предотвращение возможных финансовых махинаций.

Для исследования вопроса о необходимости совершенствования антикоррупционного законодательства, в части вопроса о необходимости расширения круга лиц, обязанных представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, находящиеся в близкой связи с должностным лицом, обязанного представлять данные сведения, мы обратились к судебной практике, дабы убедиться в существовании выдвинутой проблемы.

В Определении Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 года N 1177-О¹ рассматривалась жалоба об оспаривании положений статьи 2 Федерального закона N 230-ФЗ от 3 декабря 2012 года² как противоречащих Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют осуществлять одному и тому же должностному лицу Генеральной прокуратуры Российской Федерации контроль за расходами и проверку соблюдения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции и позволяют суду:

1. бесконтрольно и по собственному усмотрению обращать в доход Российской Федерации любое имущество любых лиц, прямо не перечисленных в законе и не являющихся супругом (супругой) и несовершеннолетними детьми лиц, за расходами которых осуществляется контроль; вне установленной законом процедуры признавать лицо, в отношении расходов которого осуществляется контроль, фактическим владельцем имущества третьих лиц (не являющихся его супругом (супругой) и несовершеннолетними детьми) с целью последующего обращения имущества в доход государства; определять при анализе доходов и расходов любых (иных) лиц, в совокупности подтверждающих приобретение части имущества на законные доходы, часть имущества, в отношении которой приобретение на законные доходы не доказано, и не принимать доказательства законности происхождения полученных иными лицами доходов.

Конституционный Суд Российской Федерации, отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, указал, что принятие Российской Федерацией правовых мер, направленных на предупреждение коррупции и незаконного

¹ Конституционный суд Российской Федерации Определение от 24 июня 2021 г. N 1177-о об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Сайткуловой Суфии Хамаевны, Фаттахова Ради́фа Масхутовича и Фаттаховой Римы Ради́фовны на нарушение их конституционных прав положениями гражданского кодекса российской федерации, гражданского процессуального кодекса российской федерации, а также федеральных законов "о противодействии коррупции", "о контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" и "о прокуратуре российской федерации" // [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/401481154/>

² Федеральный закон "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ// [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/70271682/>

личного обогащения, включая возможность изъятия по решению суда имущества, у лиц, прямо не перечисленных в законе правомерно.

Также Конституционный Суд Российской Федерации указал в своем Определении от 24.10.2019 №2949 – о¹, «обращать в доход государства имущество (если оно приобретено на доходы, законность которых не подтверждена) любых лиц, прямо не перечисленных в Федеральном законе "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" и не являющихся супругом (супругой) или несовершеннолетними детьми лица, в отношении которого осуществляется контроль за расходами».

В Определении СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 октября 2022 г. по делу N 8Г-24809/2022², упоминается о том, что фактически сложившиеся семейные отношения, соответствуют положениям главы 6 Семейного кодекса Российской Федерации "Личные права и обязанности супругов", в случаях, если они ведут совместное хозяйство и воспитывают общих детей. В связи с этим обстоятельством суд пришел к выводу, что лица, длительно проживающие совместно без регистрации брака, могут способствовать сокрытию доходов своей семьи, поскольку сведения о доходах не декларируют.

Следовательно, не важно, кем вы приходитеесь и в каких отношениях вы состоите, друг, сосед, одноклассник бывший, важно, что вы явно имеете связь с государственным служащим, следовательно, сразу попадаете в круг лиц, кто может каким-либо образом быть участником коррупционного преступления.

¹ Конституционный суд Российской Федерации Определение от 24 октября 2019 г. № 2949-о об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захарченко Дмитрия Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями гражданского кодекса российской федерации, гражданского процессуального кодекса российской федерации, а также федеральных законов "о противодействии коррупции", "о контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" и "о прокуратуре российской федерации" // [Электронный ресурс] URL: <https://demo.garant.ru/73032464/>

² Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 октября 2022 г. по делу N 8Г-24809/2022[88-30038/2022] // [Электронный ресурс] URL: <https://arbitr.garant.ru/330797512/paragraph/1:0>

Помимо этого, лица, не перечисленные в законе, но состоящие в очевидной связи или отношениях с государственными служащими могут также способствовать появлению потенциального конфликта интересов, который приводит к развитию коррупционных правонарушений. Поэтому необходимо обеспечить баланс публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов собственника, приобретшего имущество на доходы, не связанные с коррупционной деятельностью. Из этого следует, что необходимо расширить круг лиц, входящих в декларацию на уровне закона.

В целом можно констатировать, что у государства и общества имеются ресурсы, позволяющие настолько снизить в стране уровень коррупции, чтобы она не воспринималась как непреодолимая преграда, создающая препятствия развитию каждого гражданина и общества (Митин, 2022: 45-61).

Законопроектом предлагается расширить круг лиц, обязанных представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, закрепленных в статьях 6, 8, 8.1, 8.2, 12.1, 13.1 и 13.5 Федерального Закона "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ¹ и круг лиц, обязанных представлять сведения о своих расходах и в отношении которых осуществляется контроль за расходами закрепленные в статьях 1-17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам"² а именно лица, не являющиеся супругом (супругой), но находящиеся в близкой связи с должностным лицом, обязанного представлять данные сведения.

Необходимость своевременного принятия указанного законопроекта обусловлена тем, что в настоящее время на территории Российской Федерации распространена практика, в соответствии с которой, должностное лицо намеренно разводится с супругом (супругой), либо не регистрирует брак, чтобы

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»// [Электронный ресурс] URL: <http://ivo.garant.ru/12164203/>

² Федеральный закон "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" от 03.12.2012 N 230-ФЗ// [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/70271682/>

не декларировать сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своего супруга (супруги). При этом следует отметить, что данные лица продолжают вести совместный быт, хозяйство и воспитывают несовершеннолетних детей. В связи с этим существует огромная вероятность возникновения теневых схем непредставления данных сведений, и возникновения коррупционных рисков, а именно получения незаконных доходов (Фролова, 2010:3).

В подтверждение выявленной проблемы мы решили обратиться к студентам нашего университета и провести анонимное анкетирование. Они могли выбрать те варианты ответов, которые соответствуют их взглядам. Также предлагалось поделиться собственным суждением, относительно темы анкеты. В анкетировании приняло участие ровно 60 человек.

В результате проведенного анкетирования оказалось, что 30% анкетированных считают, что данная проблема отсутствует, так как если государственный служащий не состоит в официальных отношениях, значит не должен декларировать никакие сведения имущественного характера о мужчине/женщине, проживающих и ведущих совместное хозяйство, именуемых в дальнейшем сожителями. 60% анкетированных уверены, что большая часть коррупционеров пользуются данной проблемой и совершают дальше преступления, оставаясь безнаказанными. 10% анкетированных уверены, что работа у государственных служащих в принципе не совместима с личной жизнью и в последующем создании семьи, поэтому не видят выдвинутой проблемы.

На вопрос «Если бы вы были на месте государственного служащего, стали бы вступать в брачные отношения?», анкетированные в 55% выбрали ответ нет, 35% предположили, да будут и 10% процентов, анкетированных воздержались от ответа. Стоит заметить, что возрастной ценз среди анкетированных, которые придерживаются данного мнения, составляет от 19 до 23 лет.

На основе проведенного анкетирования, с уверенностью можно сказать, что законодательство недостаточно жестко контролирует и регулирует данную проблему, что само по себе порождает коррупцию. А государственный и гражданский служащий или его близкие родственники совершают действия, создающие потенциальную угрозу интересам государственных служб (Митин, Шайхатдинов, 2022:31).

В заключение мы бы хотели привести наше виденье того, как мы представляем предлагаемые изменения.

Внести изменения в Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹:

1) пункт 4 статьи 6 дополнить предложением следующего содержания: «бывших супруги (супруга), проживающих совместно или/и ведущих общее хозяйство и совместно воспитывающих несовершеннолетних детей, а также мужчину/женщину, проживающих совместно(сожители) или/и ведущих общее хозяйство, но не состоящих в признаваемых на территории РФ официально зарегистрированных брачных отношениях».

Конечно, изменениям будет подлежать не только выше приведенный нами закон, но и другие НПА которые каким-либо образом регулируют и касаются поставленной проблемы, это и Федеральный закон от 03.12.2012 N 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»², также необходимо ввести новые понятия в Семейный кодекс³, это понятие «сожители», «бывшие супруги» внесение данных изменений также поспособствовало дискредитации существующей проблемы.

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»// [Электронный ресурс] URL: <http://ivo.garant.ru/12164203/>

² Федеральный закон "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" от 03.12.2012 N 230-ФЗ// [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/70271682/>

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ// [Электронный ресурс] URL: <http://ivo.garant.ru/10105807>

Предлагаемые изменения отдельных положений Федерального Закона «О противодействии коррупции» и Федерального Закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» значительно снизит возможность непредставления сведений указанными ранее лицами (не супругами) о незаконных способах получения доходов, об имуществе и обязательствах имущественного характера лицами и, соответственно, расходов, которые могут значительно превышать доходы.

Библиографический список

1. Митин А. Н. Правовые и организационные аспекты антикоррупционной деятельности // Современное право. 2022. № 4. С. 45-61.
2. Матвеев Е. В., Семенов В.Д., Рассохин А.В. Некоторые аспекты выявления коррупционных рисков при проверке сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданских служащих // Юридическая наука. 2020. № 4.С. 48-53.
3. Митин А.Н., Рассохин А.В., Государственные советы: сравнительный анализ зарубежной и отечественной практики // Современное право. 2020. № 6. С. 33-38.
4. Фролова Е. Е. Денежное обращение как объект государственного регулирования // Пробелы в российском законодательстве. 2010. №4. С.3.
5. Митин А. Н., Шайхатдинов В.Ш. Антикоррупционные технологии: учебник // коллектив авторов; под ред. Митина А.Н., Шайхатдинов В.Ш. 2022. С 31.

Glukhova S.A, Leonteva P.A.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Ekaterinburg, Russia

e-mail: polina-leonteva-2003@mail.ru

ON ANTI-CORRUPTION ISSUES AMONG PERSONS OBLIGED TO PROVIDE INFORMATION ON THEIR INCOME, PROPERTY AND PROPERTY LIABILITIES

Abstract: This article is aimed at studying the problems of modern anti-corruption legislation and finding ways to solve them. And in the subsequent improvement of the anti-corruption legislation regulating the procedure for the submission of information on their income, property and liabilities of a property nature by persons holding public positions in the Russian Federation, as well as the procedure for reporting of expenditures, in order to improve the implementation of anti-corruption measures, as well as the detection, minimization and elimination of corruption offences.

Keywords: corruption, counteraction, spouse, official, public servant.

УДК 340

Кузнецов Александр Сергеевич

Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф.Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

alex24kuznecov@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ (СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ) КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА: ПОНЯТИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: в данной статье автор анализирует различные определения понятия социальная общность. Дается авторское определение, анализируются классификации и признаки социальных общностей, отмечается важность и необходимость изучения правосубъектности социальных общностей.

Ключевые слова: социальная общность, общественное объединение, коллективный субъект, организация, правовой статус, правосубъектность.

Изучение вопросов, связанных с социальными общностями, проводились как зарубежными, так и отечественными научными деятелями еще в XIX веке. Однако в настоящий момент в юридической литературе и законодательстве четко не регламентирован правовой статус социальных общностей, не указано их место в общей системе субъектов права. Так же, нет точного ответа на вопрос, является ли социальная общность субъектом права. Сегодня без верного теоретического решения проблем, связанных с правовым положением субъектов общественных отношений, крайне сложно успешно решать вопросы, касающиеся форм и методов действия права, и достаточно верно определять пути дальнейшего совершенствования правового регулирования общественных отношений. Более того, исследование социальных общностей имеет и практический характер, поскольку они все чаще и чаще становятся участниками договоров, выступают сторонами в судебных разбирательствах и т.д. В данной статье ставится задача рассмотреть понятие «социальная общность», определить его признаки и виды.

Спорным остается вопрос о том, достигли ли коллективные субъекты такой степени организационного единства, которая необходима для организации, как субъекта права. Являются ли они субъектами права или обладают лишь некоторой правосубъектностью.

А.В. Мицкевич делит субъекты права на две основные группы: индивидуальные субъекты – физические лица, граждане и организации - коллективные субъекты. Похожее деление субъектов права отстаивают и другие авторы, С.Ф. Кечекьян делит все субъекты права на индивидуальные и комплексные. По мнению О.С.Иоффе и М.Д.Шаргородского, все субъекты подразделяются на индивидов и коллективных субъектов. С.С. Алексеев подразделял все субъекты права на: физических лиц, организации (коллективные субъекты) и общественные образования (Алексеев, 2010: 282 с.).

Сегодня устоявшиеся в науке подходы относительно состава субъектов права и их правового положения претерпевают изменения. Такая тенденция объясняется развитием правоотношений и включением в их состав новых субъектов. Вопрос состоит в том, какое место занимают в ряду прочих субъектов социальные общности, ведь их участие в правовых отношениях подтверждается складывающейся правоприменительной практикой, а также регламентацией объема их прав и обязанностей на уровне законодательства.

Так, ст. 3 Конституции РФ указывает на понятие «многонациональный народ» Российской Федерации, который является носителем суверенитета и источником власти. Очевидно, что указанное положение носит во многом идеологический и декларативный характер, однако нельзя не согласиться с тем, что «многонациональный народ» является социальной общностью, большинство специалистов склонно положительно решать вопрос о конституционной правосубъектности народа. Далее, в ст. 68 и 69 Конституции РФ говорится о правах отдельных народов, населяющих Российскую Федерацию, в том числе о правах «коренных малочисленных народов», что также говорит о наделении правовым статусом социальных общностей (Кутафин, 2001).

В соответствии с п. 1 ст. 124 ГК РФ «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами». Данное положение закона означает, что, в гражданских правоотношениях государства и иные публичные образования, могут участвовать на равных началах с другой стороной правоотношения, проявляют аналогичные с ними качества, наделены такой же правоспособностью.

Согласно ст. 3 Федерального закона РФ «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. №82-ФЗ «...Создаваемые гражданами

общественные объединения могут регистрироваться в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, и приобретать права юридического лица либо функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица»¹

Что касается правоприменительной практики, то Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 24 октября 1996 г. № 17-П признал, что акционерное общество, товарищество и общество с ограниченной ответственностью (т.е. юридические лица) являются по своей сути объединениями. Руководствуясь данной позицией, в доктрине возможен подход, согласно которому, например, религиозные организации, политические партии, общественные организации, профессиональные союзы, будут также являться объединениями людей.

Нередко коллективные субъекты становятся участниками процедуры банкротства. Так процедура банкротства за частую выступает некой «платформой» столкновения и переплетения разнонаправленных интересов отдельных множественностей — зачастую недобровольных групп, вынужденных действовать слаженно (в силу прямого указания закона) для достижения поставленной цели): 1) простое товарищество, состоящее из независимых кредиторов должника (реестровых и «зареестровых», кроме залоговых кредиторов); 2) простое товарищество, состоящее из залоговых кредиторов (при достижении цели указанного товарищества его члены (в случае неполного удовлетворения их требований) могут стать товарищами в рамках первой категории); 3) простое товарищество, представляющее собой корпоративную с должником группу (представлено контролирующими должника лицами (как по формальным, так и фактическим основаниям), а также связанными с должником субъектами (независимыми кредиторами, осведомленными о финансовом потенциале должника; зависимыми кредиторами; лицами, входящими с должником в одну группу и прочие).

¹ Статья 3 Федерального закона РФ «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. №82-ФЗ

Примеров судебной практики с участие социальных общностей много, как в Европейской судебной системе (Судебные процессы против компаний, которые загрязняют окружающую среду и наносят ущерб здоровью и имуществу местных жителей. В этом случае социальные общности выступают в качестве истца и защищают интересы своих членов.), так и в отечественной (Судебные разбирательства по поводу отмены решения муниципальных властей о строительстве нового объекта инфраструктуры (например, автостоянки или торгового центра) в жилом районе. В этом случае социальные общности выступают в качестве ответчика, защищая свои права на здоровую и безопасную среду обитания; судебные разбирательства по поводу нарушения прав потребителей продавцом товаров или услуг. В этом случае социальная общность может выступать в качестве истца, представляя интересы большого числа потребителей, которые пострадали от действий продавца.)

В 2019 году, был подан первый в России коллективный иск. Группа из 55 человек подала коллективный иск к косметическому бренду FemFatal. Они жаловались на ожоги после использования продукции, в составе которой оказался антибиотик, но на этикетке об этом сказано не было. Истцы требовали у компании вернуть деньги за покупку средств и выплатить компенсацию морального вреда.¹

В период пандемии коронавируса и вводимых государством ограничений коллективный иск об отмене QR-кодов подали в Воронежский областной суд. Ответчиком по нему выступил губернатор Воронежской области Александр Гусев. Тогда 59 заявителей оспаривали введение в регионе специальных кодов, без наличия которых гражданам нельзя посещать общественные места.²

Анализ судебной практики показывает, что в настоящий момент практика групповых исков и реализация прав коллективных субъектов в России еще не отработана. Прецеденты, которые сейчас создаются, фактически и будут ее

¹ Решение Московского районного суда г.Чебоксары Чувашской Республики по Делу № 2-1809/2019

² Решение Воронежского областного суда по Делу № 3а-41/2022 (3а-618/2021;) ~ М 33-429/2021).

формировать. Поэтому остро встает вопрос об исследовании проблемы правосубъектности социальных общностей, он обусловлен необходимостью изучения их реального участия в процессе реализации предоставленных данным субъектам прав.

Анализ доктрины, судебной практики и законодательства, позволяет сделать вывод о том, что социальные общности, безусловно, являются субъектами права. Общая классификация субъектов права должна включать не только организации и юридические лица, но и коллективы, не имеющие оформленных организационных свойств, однако обладающие правосубъектностью.

Социальная общность – это совокупность лиц под объединяющим началом определенных факторов (признаков), которые действуют в качестве единого целого, могут выступать реальным участником правовых отношений с целью коллективного выражения своих интересов, а также обладающие иными собственными целями и интересами (идеологией, культурой, религией, политическими убеждениями), а также обладающие правоспособностью.

В настоящее время в правовой доктрине существуют отдельные подходы к определению термина «социальная общность». Иногда в науке он именуется «коллективом» или «объединением». К примеру, В.Е. Чиркин определяет ряд условий, при соблюдении которых коллективы могут стать субъектами права: 1) коллектив – это не эпизодическое, мимолетное явление, а более или менее долговременное объединение; 2) у коллектива должны быть общие интересы, общие дела, имеющие или могущие иметь общественное значение; 3) в основу организации и деятельности коллективов должен быть положен принцип законности; 4) коллективы создаются на основе добровольности, самоорганизации и самоуправления; 5) для того чтобы стать коллективом, группа людей должна иметь такой персональный состав, который может принимать решения по вопросам, касающимся общих дел; 6) коллективу должны быть присущи формы стабильной организованности; 7) коллектив

должен иметь определенную степень организованности, в том числе более или менее постоянное руководство, разделение ролей (Чиркин, 2013: 272).

В то же время отдельные правоведы даже не выделяют их в качестве субъекта права, относя «социальные общности» к такому субъекту, как «организация». Так, «Субъектами права, – утверждает С.А. Комаров, – являются: 1) физические (частные) лица (граждане, должностные лица, иностранцы и лица без гражданства); 2) юридические лица; 3) государства, субъекты федерации, муниципальные образования» (Комаров, 1996: 316). Сходную позицию занимает Н.И. Матузов, разделяя субъектов на индивидуальные (физические лица) и коллективные (юридические лица). Такие позиции представляются не совсем удачными (Матузов, 2004: 512).

Названные авторы не включают в число субъектов права народы, нации, национальные меньшинства, инициативные группы по реализации гражданами права законодательной инициативы, группы граждан, участвующие в местном собрании, в проведении местного референдума. С точки зрения права отождествлять социальные общности и организации не совсем правильно. На эту неточность уже было указано в теории права.

Неравнозначность этих понятий отмечает Д.Н. Бахрах: «Организация трактуется как устойчивый самостоятельный коллектив, вступающий в правоотношения от своего имени как юридическое лицо. В общепринятом смысле к организациям не относятся такие субъекты, как цех, административно-территориальная единица, субъект Федерации. Следовательно, коллективные субъекты – это более широкое понятие». Например, Д.Н. Бахрах предлагает относить и организации, и социальные общности, и структурные подразделения к более широкому понятию – коллективные субъекты права (Бахрах, 2010: 208)

Организация – это объединение людей со своей внутренней структурой, правилами жизни и деятельности и, как правило, регламентируемыми уставом. Социальные общности в свою очередь имеют определенную степень внутренней организованности, однако в отличие от организаций не имеют в

своем составе органов управления, их деятельность не регламентируется уставными документами и т.д., поэтому они не должны рассматриваться с правовой точки зрения как организации и не являться юридическими лицами. Социальная общность – более аморфное, неустойчивое образование, чем организация, воздействие на их членов может повлечь невозможность реализации их прав в целом. В связи с этим отождествление этих двух терминов невозможно. Однако стоит отметить, что некоторые социальные общности обладают признаками организации (страна, область, политическая партия, корпорация и т.д.)

Поэтому необходимо отметить, что общественное объединение – это организованные, обособленные, самоуправляемые группы, наделенные правами выступать в отношении с другими субъектами как единое целое, персонифицировано, имеющее свои индивидуальные признаки.

Говоря о правовом статусе социальных общностей, нужно отметить, что правовой статус – это правовое положение субъекта права, установленное позитивным правом, отражающее его фактическое состояние в правовой системе. Правовой статус коллективных субъектов права может определяться формой, типом государства, существующей правовой идеологией, системой ценностей, материальными и экономическими ресурсами общества и многими другими факторами.

Основные права и обязанности, составляющие существо правового статуса, детализируются в отраслевом законодательстве. В законодательных актах нижестоящего уровня более подробно устанавливаются права и обязанности, а также регламентируются механизмы их практического осуществления. По отраслевому критерию выделяются следующие виды правовых статусов: конституционно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой и т. д.

Чтобы понять являются ли социальные общности субъектом права, нужно понимать достигли ли они такой степени организационного единства, которая

необходима для организации, как субъекта права. Являются ли они субъектами права или обладают некоторой правосубъектностью.

Правовой статус социальных общностей устанавливается в целях организационно-юридического выражения интересов более массовых персонифицированных подразделений общества. Их правовой статус устанавливается в нормативных правовых актах высшей юридической силы (основных законах, конституциях), а также нормативных правовых договорах. Закрепляемый государством за социальными общностями правовой статус позволяет выступать большому количеству индивидов от имени социальной общности в целом – народа, нации, народности, административно-территориальных единиц государства, автономно-государственных образований и т. д. В современных условиях к числу народов, наций, народностей, претендующих на внешнее, организационно-юридическое выражение своей воли, можно отнести Курдистан, Восточный Туркестан, Тибет, Восточный Тимор, юг Сомали и др. К административно-территориальным единицам государства – американские штаты, германские земли, субъекты федерации в России и т. д. В число автономно-государственных образований можно включить Каталонию в Испании, Еврейскую автономную область в России и др. Права и обязанности общественных образований связывают их с иными субъектами публично-правовых отношений и прежде всего с самим государством. К таким правам относятся принятие актов высшей юридической силы, осуществление политической власти непосредственно или через государственные институты власти, а также ряд других. В правовой статус таких субъектов включаются и обязанности подчиняться правовым актам государственной власти, действовать в интересах индивидов, их составляющих, проявлять свою волю через нормативно закреплённые механизмы (выборы, референдум) и т. д. (Малюгин, 2023)

Говоря об определенных признаках, коллективных субъектов стоит выделить следующие признаки социальных общностей:

1) Это группа людей – то есть объединение двух и более индивидуальных субъектов, которые объединены общими задачами, целями, особенностями: общность культуры, обычаев, вероисповедание и т.д. (инвалиды, религиозные общины, избирательные округа);

2) Сходство и близость условий жизнедеятельности. На этот счет есть отдельная теория, говорящая о том, что новый коллективный субъект формируется в процессе сближения, схождения, т.е. единства ценностей, взглядов и т.д., которыми обладают субъекты формирующейся общности. В основе зарождения новой социальной общности могут лежать и сходство эмоций, и рациональные предпочтения людей. Любое общество объединение предстает не как что-то однородное и монолитное, а как внутренне расчлененное на различные социальные группы, слои и общности. Все они находятся между собой в состоянии объективно обусловленных связей и отношений – социально-экономических, политических, духовных. Более того, только в рамках этих связей и отношений они и могут существовать, проявлять себя в обществе. Это обуславливает целостность общества, его функционирование как единого социального организма, суть которого раскрывали в своих теориях О.Конт, Г.Спенсер, К.Маркс, М.Вебер, Т.Парсонс, Р.Дарендорф и другие социологи. Можно сказать, что социальная структура общества представляет собой совокупность тех связей и отношений, в которые вступают между собой социальные группы и общности людей по поводу экономических, социальных, политических и духовных условий их жизнедеятельности.

3) Эта группа людей обособляет себя от внешнего мира, которая теперь от своего имени будет выступать вовне, устанавливая членство, в своей организации и определенную систему его получения, и иными способами. Возможность вступать в правоотношения – особую социальную связь, а точнее форму существующих в обществе отношений (экономических, политических, культурных и т.д.) (Перевалов, 2023: 552).

4) В результате обособления организации от внешнего мира она теперь выступает вовне как единое целое, самостоятельно, поэтому она теперь имеет свои права и обязанности, и ее члены частично утрачивают право выступать вовне от имени всей организации – только по согласованию с ее остальными членами, или если остальные члены специально его уполномочили на ведение дел организации;

5) Персонификация – наделение животного, предмета, явления природы или социальной структуры человеческими свойствами. В нашем случае это означает, что организация наделяется самостоятельными чертами, которые не производны от свойств организовавших и работающих в нем людей и не сводимы к сумме этих свойств. Это именно черты самой организации, которые появляются в результате её деятельности.

6) Определенный способ создания- сходство, близость условий жизнедеятельности людей (как потенциальная предпосылка возникновения ассоциации); мобилизация сил для действий: расширение числа сторонников и подготовка их к организации; обращение к истории в поисках образцов для заимствования (казаки, дворяне и другие возрожденческие общности);

7) Формирование собственных норм взаимоотношений (социальных норм)- общие правила к должному существованию субъекта в конкретной социальной общности, что способствует достижению определенного результата необходимого социальной общности. В качестве общеобязательного правила избирается такой вариант поведения, который бы не нарушал интересов участников отношения и общества в целом. На данном принципе и строятся правила регулирования отношений в социальных общностях.

8) Эта группа людей имеет внутреннюю организацию, то есть у каждого ее члена есть определенные функции, обязанности, соединяя которые люди достигают определенной цели;(систем управления и самоконтроля).

По мнению автора, данный перечень является и будет являться открытым, что позволяет с учетом развития общественных отношений включать все большее число социальных общностей в различные правовые

отношения. В современной мире социальные общности образуются каждый день, каждая из них обладает своей индивидуальной целью, особенностью, поэтому при образовании таких общностей будут появляться новые признаки.

Вообще существует множество видов общностей, которые отличаются друг от друга по самым разным критериям. Все многообразие общностей можно разделить по следующим критериям деления:

I: По степени устойчивости:

1) Кратковременные, неустойчивые (они характеризуются слабыми связями и взаимодействиями внутри, они часто называются квазигруппами, примерами таковых являются: пассажиры в общественном транспорте, участники демонстраций и т.д.);

2) Средней устойчивости (академическая группа, трудовой коллектив и т.д.);

3) Устойчивые (нации, классы и т.д.).

II: По размерам:

1) Крупные группы (существующие в масштабах нации, страны);

2) Средние социальные группы (жители города, работники офиса, студенты ВУЗА);

3) Малые социальные группы (семья, трудовой коллектив, академическая группа).

III: По содержанию:

1) Социально-экономические – объединения людей на основе происхождения, их образования, дохода, положений в производстве (касты, сословия, классы);

2) Социально-этнические - объединения людей на основе общих этнических и культурных традиций и национальных идентичностей (национальные меньшинства, культурные ассоциации, племя, род, народность, нация);

3) Религиозные общности - объединения людей на основе религиозных убеждений и практик (церкви, мечети, синагоги).

4) Социально-профессиональные, или корпоративные, общности - объединения людей, работающих в одной отрасли или профессии (профсоюзы, юристы, инженеры, учителя и другие профессиональные группы);

5) Социально-территориальные - объединения людей, проживающих на определенной территории (жилые районы, города, сельские поселения, жители отдельных краев, областей, районов, городов и т.д.).

6) Политические - объединения людей на основе общих политических убеждений и целей. Примеры: партии, общественные организации.

Существует множество различных классификаций социальных общностей, по различным критериям. По степени устойчивости: кратковременные, нестабильные группы, их часто называют квазигруппами (театральные зрители на спектакле, пассажиры в вагоне поезда, туристическая группа, митингующая толпа и т.п.); группы средней устойчивости (трудовой коллектив завода, бригада строителей, школьный класс) и устойчивые общности (такие, как нации или классы) и еще множество классификаций.

Такое разнообразие социальных общностей происходит в процессе социальной активности, в процессе взаимодействия между субъектами образуются устойчивые связи и отношения, которые создают «коллективное единство», взаимодействует со средой как целое. В результате регулярного взаимодействия нескольких обособленных субъектов образуются социальные общности: несколько субъектов, чьи права нарушены, подают коллективный иск, несколько любителей футбола образуют футбольную команду, собрание верующих — религиозную общину, несколько работников — трудовой коллектив и т. д. Укрепление взаимных связей, установление более устойчивых отношений и эволюция социальных общностей способствует развитию социальных отношений. Так разнообразие социальных общностей может быть обусловлено различными факторами, такими как социально-экономические условия, политическая система, культурные и исторические традиции, а также потребности и интересы людей. Например, в развитых странах существует большое количество корпораций ассоциаций и т.д., так как экономика основана

на предпринимательстве и рыночной конкуренции. В то же время, в странах с авторитарными режимами может быть меньше общественных организаций и политических партий, так как правительство ограничивает свободу выражения мнений и организации гражданского общества.

Таким образом, нельзя отождествлять понятия «юридическое лицо», «организация» или «коллективный субъект права». Социальные общности являются самостоятельным субъектом права, имеющие права и обязанности, выступающие реальными участниками правовых отношений с целью коллективного выражения своих интересов, а также обладающие иными собственными целями и интересами (идеологией, культурой, религией, политическими убеждениями), определенными признаками и классификациями. Однако, на сегодняшний момент, в доктрине и практике стоит вопрос определения правового статуса коллективных субъектов, не имеющие статуса юридического лица (государство, административно-территориальные образования, государственные органы и т.д). Так же не понятно, в какой момент правовой статус у социальных общностей возникает, какими способами. Исследование темы правосубъектности социальных общностей может способствовать лучшему пониманию роли гражданского общества в современном государстве и способы участия граждан в принятии решений.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений в 10 томах Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. - М.: Статут, 2010, 282 с.
2. Бахрах, Д.Н. Очерки теории российского права / Д.Н. Бахрах. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 208 с.
3. Комаров, С.А. Общая теория государства и права: курс лекций. – 2-е изд., испр. и доп. / С.А. Комаров. – М.: Манускрипт, 1996. – 316 с.
4. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. — 444 с.

5. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.
6. Малюгин С.В. — Правовой статус // Большая российская энциклопедия URL: <https://bigenc.ru/> 2023.
7. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник/ отв. Ред. В.Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА- М, 2023. – 552 с.
8. Чиркин, В.Е. Конституционная терминология: моногр. / В.Е. Чиркин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 272 с.

Kuznetsov Alexander Sergeevich

Ural State Law University

Named after V.F.Yakovlev

Institute of the Prosecutor's Office

Ekaterinburg, Russia

alex24kuznecov@yandex.ru

PUBLIC EDUCATION (SOCIAL COMMUNITIES) AS SUBJECTS OF LAW: THE CONCEPT AND DISTINCTIVE FEATURES

Abstract: in this article, the author analyzes the definition of the concept of social community of data in social, legal and other doctrines, the author's definition is given, classifications and signs of social communities are analyzed, the importance and necessity of studying the legal personality of social communities is noted.

Keywords: social community, public association, collective subject, organization, legal personality.

УДК 341

Никита Андреевич Лепёхин

Уральский государственный юридический

университет имени В.Ф. Яковлева

Екатеринбург, Россия

e-mail: nikita_lep74@mail.ru

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫХОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИЗ СОВЕТА ЕВРОПЫ

Аннотация: Статья посвящена анализу выхода Российской Федерации из Совета Европы и возникшим в связи с этим реакцией правоприминителей и возможным последствиям прекращения международных договорных обязательств. Предложены рекомендации по приведению национальных правовых актов в соответствие Конституции РФ и общепризнанным нормам международного права, международным договорам РФ.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека; Совет Европы; выход России; исключение Российской Федерации; Комитет Министров Совета Европы

Начну с описания хронологии событий, связанных с прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы (далее – СЕ) и последовавшим прекращением юрисдикции Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) в отношении жалоб заявителей Российской Федерации.

25 февраля 2022 г. Комитет Министров Совета Европы (далее - КМСЕ) принял решение о приостановлении представительства Российской Федерации в Совете Европы в соответствии со ст. 8 Устава Совета Европы (далее – Устав). Причиной данного решения было заявлено «серьезное нарушение Российской Федерацией своих обязательств по статье 3 Устава», в связи с ситуацией в Украине, возникшей после 24 февраля 2022 г.

10 марта Министерство иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД РФ) сделал заявление, в котором выразил свое нежелание продолжать

дальнейший диалог в рамках СЕ. Такая позиция, по словам МИД, вызвана «подрывными действиями, осуществляемыми коллективным Западом с целью разрушения Совета Европы и общего гуманитарно-правового пространства в Европе». Данное заявление имело, скорее, неформальный характер вразрез расхожему мнению, я считаю, что заявление МИД все-таки не было решающим в вопросе дальнейшего участия России в СЕ, по крайней мере оно не предвещало на столько скорого выхода РФ из участия в данной международной организации.

15 марта Парламентская Ассамблея Совета Европы (далее – ПАСЕ) проголосовала за выход России из состава Организации и заявила что Комитет министров должен обратиться к Российской Федерации с просьбой «немедленно выйти из Совета Европы». В случае, если страна-член не выполнит просьбу, ПАСЕ предложила Комитету министров «определить ближайшую возможную дату», с наступлением которой Российская Федерация перестанет быть членом СЕ. Заседание КМСЕ было запланировано на 18 марта.

В этот же день Министерство иностранных дел РФ сообщило о передаче Генеральному секретарю СЕ уведомления о выходе РФ из Совета Европы. Следовательно, с этого момента должен был начать действовать механизм ст. 7 Устава, так как РФ добровольно выполнила просьбу о выходе из состава СЕ. В таком случае членство государства прекращается по истечении текущего финансового года. Таким образом Российская Федерация прекратила бы свое членство только с 1 января 2023 г.

Однако на внеочередном заседании, состоявшемся на следующий день – 16 марта – КМСЕ принял резолюцию, по которой инициировал процедуру, предусмотренной ст. 8 Устава, и лишил Российскую Федерацию права представительства в Совете Европы с 16 марта 2022 года.

Согласно ст. 8, любой член Совета Европы, который серьезно нарушил ст. 3, может быть отстранен от своего права на представительство и запрошен Комитетом министров для выхода в соответствии со ст. 7. Если государство-

член не выполняет эту просьбу, Комитет может принять решение о том, что оно перестает быть членом СЕ с такой даты, которую Комитет может определить.

На 16 марта КМСЕ не выдвигал России требования о том, что она должна покинуть Совет Европы. А потому, исключив Россию из Совета Европы, Комитет грубо нарушил ст. 7 и 8 Устава СЕ. Ведь процедура, предусмотренная ст. 8 Устава, может применяться только в том случае, если соответствующее государство не удовлетворило просьбу КМСЕ о выходе в порядке ст. 7 Устава. Последняя разрешает добровольный выход государства в конце финансового года, то есть 1 января 2023 г. В такой схеме КМСЕ сначала обязан предложить государству покинуть Организацию самостоятельно и только в случае отказа вправе исключить его принудительно. Если бы России позволили использовать механизм ст. 7, то это могло бы отсрочить её выход. Вместо этого КМСЕ применил процедуру ст. 8, решив лишить Россию членства в СЕ с 16 марта 2022 г. Таким образом, Россия стала первым и единственным государством, которое было исключено из Совета Европы.

В тот же день Европейский Суд по правам человека принял решение о приостановлении производства по всем жалобам против РФ для изучения правовых последствий резолюции, принятой КМСЕ.

22 марта ЕСПЧ, принимая во внимание ст. 58 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция), утвердил резолюцию, отменяющую приостановление рассмотрения всех жалоб против Российской Федерации, и установил, что Россия престаёт быть Высокой Договаривающейся стороной Конвенции с 16 сентября 2022 г. Также Суд сохраняет компетенцию рассматривать жалобы, направленные против РФ, при условии, что нарушения имели место до 16 сентября. Важно отметить, что ЕСПЧ не обладал компетенцией каким-либо образом отменить резолюцию КМСЕ или указать, что она была принята с нарушениями положений Устава, так как в соответствии со ст. 32 Конвенции Суд может рассматривать только те вопросы, которые касаются толкования и применения положений ЕКПЧ.

23 марта КМСЕ принял очередную резолюцию— о правовых и финансовых последствиях прекращения членства Российской Федерации в СЕ. Определено, что Устав и ратифицированные нашей страной договоры, открытые только для членов СЕ, «автоматически» прекратили действие для России с 16 марта 2022 г. за одним исключением, что Российская Федерация перестанет быть Высокой Договаривающейся Стороной Европейской конвенции по правам человека 16 сентября 2022 года. МИД РФ отмечает, что без полноправного членства в Совете Европы участие в Европейской Конвенции по правам человека невозможно. Такая позиция исходит из буквального толкования преамбулы Конвенции, в которой указано: «Правительства, подписавшие настоящую Конвенцию, являющиеся членами Совета Европы», а следовательно, участниками данного закрытого договора могут быть только участники соответствующей международной организации.

Уже 11 июня в ответ на описанные выше действия Российская Федерация приняла Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», который в п. 1 ст. 7 установил, что Постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г. не подлежат исполнению на территории России. То есть решения ЕСПЧ не исполняются с момента уведомления о выходе РФ из Совета Европы, что, конечно же, не соответствует ч.4 ст. 15 Конституции Российской Федерации и общепризнанному принципу международного права *pacta sunt servanda*. Россия согласилась со всеми статьями ЕКПЧ, и, следуя принципу добросовестности, даже после денонсации и выхода из СЕ, у РФ остались обязательства по исполнению решений ЕСПЧ, что указано в ст. 46 и 58 Конвенции. В соответствии с этим же Законом вплоть до 1 января 2023 г. Генеральная прокуратура РФ может осуществлять выплату денежной компенсации заявителям по постановлениям Суда, вынесенным до 15 марта включительно. Что делать, если Генеральная Прокуратура не выплатит все положенные компенсации до этого срока Федеральный закон не указывает.

23 января 2023 г. Игорь Краснов – Генеральный прокурор РФ заявил, что «Генпрокуратура РФ исполнила постановления ЕСПЧ, вступившие в силу до того, как наша страна вышла из Совета Европы. С марта 476 заявителей получили присужденные им компенсации на €4,65 млн».

16 сентября 2022 г. подошло к концу участие Российской Федерации в Европейской Конвенции по правам человека. Нарушения Россией прав и свобод человека, которые защищаются Конвенцией, после этой даты более не могут быть рассмотрены в ЕСПЧ. Но в Суде продолжается рассмотрение жалоб, которые были поданы до этого срока. Так, только за 2022 г. против России было подано 6077 жалобы, вынесено 384 постановления и 16 742 дел находятся на рассмотрении. Так по мнению Исполинова А.С. «Суд с его сегодняшней скоростью закончит рассматривать российские жалобы только к концу 2020-х годов.», но Российская Федерация не принимает и скорее всего не будет принимать участие в рассмотрении этих дел.

28 февраля 2023 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы», в котором указано, что договоры Совета Европы прекращают свое действие с 16 марта 2022 г. Положения данного ФЗ противоречат Федеральному закону от 11.06.2022 г. № 183-ФЗ в той части, что обязательства Российской Федерации прекращаются с 16 марта, а решения ЕСПЧ не исполняются с 15 марта.

Безусловно ситуация с выходом России из Совета Европы касается в первую очередь политики, нежели права. Совершенно не понятна логика КМСЕ по поспешному исключению РФ из членов Совета Европы, обосновывавшего это тем, что Россия грубо нарушила ст. 3 Устава, которая устанавливает обязанность каждого государства признавать принцип верховенства права. В то же время сам КМСЕ проигнорировал этот принцип и решил, что ему не обязательно соблюдать процедуру исключения страны из Организации, предусмотренную Уставом. В то же время Российская Федерация полностью разорвала любое взаимодействие с Европейским Судом по правам человека.

Несмотря на это, ЕСПЧ продолжает рассматривать жалобы и присуждать компенсации по нарушениям, имевшим место до 16 сентября 2022 г. Продолжение рассмотрения российских дел вовсе не означает «заочные процессы». Россия могла бы в полной мере участвовать в разбирательстве в качестве ответчика, но по политическим причинам отказывается от своего права. Российская Федерация и раньше могла по принципиальным основаниям воздерживаться от исполнения постановлений Суда: даже в науке конституционного права сложилось понятие «механизма неисполнения» решений ЕСПЧ (Кожевников, Крысанов, 2021:3). Но при каждом таком случае выдвигались правовые основания и аргументы, с точки зрения соответствия такого решения Конституции РФ. Российские власти сегодня отказываются исполнять вступившие в силу решения ЕСПЧ, однако на действительность решений международного суда это не влияет. Постановления продолжают существовать как международная правовая реальность, и рано или поздно придется решать судьбу юридически обязательных для России решений.

ЕСПЧ занимает особое место среди международных средств защиты (Абдуллин, Безбородов, 2023:182), являясь наиболее эффективным органом из ныне существующих. Исключение России из Совета Европы ограничивает права граждан на обращения в международные правозащитные механизмы (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ). Выход из-под юрисдикции ЕСПЧ в первую очередь отразится на правоспособности простых граждан, которые больше не смогут обращаться с жалобами в данную судебную организацию (Петухова, 2015:2). Единственная возможность, которая осталась у граждан РФ, защитить свои права на международном уровне – универсальные механизмы, созданные под эгидой ООН. В то же время МИД России, вопреки позиции КС РФ (дело Матвеева 2015, Хорошенко 2012), твердо придерживается позиции, что соображения или мнения комитетов не носят обязательный характер, а также на данный момент не существует процедуры пересмотра национального решения или выплаты справедливой компенсации на основании решения комитетов. Там, где универсальный подход оказывается неэффективным и дает явные

сбои, там, где государством сложно добиться согласия по глобальным проблемам, верх берет регионализм (Безбородов, Лихачев, Халафян, 2021:5).

Членство России в Совете Европы и её участие в Европейской Конвенции по правам человека позволили провести множество важных реформ в самых разных сферах российского законодательства, а также высветить иные системные проблемы, требующие решения, так как постановления ЕСПЧ имеют не только индивидуальное правоприменительное, но и нормативное юридическое значение (Лазутин, Суворова, Фёдоров, 2021:53). Выход России из Совета Европы — это большая трагедия для российской правовой системы и для всего российского общества. Он означает не только невозможность для россиян в ближайшем будущем добиваться справедливости в Европейском Суде по правам человека, но и прекращение сотрудничества с европейскими государствами по очень многим направлениям. Я выражаю надежду, что однажды Россия вернется в состав государств-членов СЕ, как это случилось в 1974 г. с Грецией.

Библиографический список

1. Безбородов Ю. С., Лихачев М. А., Халафян Р. М. Об универсальности прав человека в доктрине и практике международного права (обзор конференции памяти профессора Г. В. Игнатенко) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 5. С. 58-66.
2. Европейское право: учебник и практикум для вузов / А. И. Абдуллин [и др.]; под редакцией А. И. Абдуллина, Ю. С. Безбородова. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт. 2023. 282 с.
3. Кожевников О.А., Крысанов А. В. Конституционная реформа 2020 г.: к вопросу об особенностях исполнения решений межгосударственных органов и судов зарубежной юрисдикции в российской федерации // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2021. №3. С.77 – 85.
4. Международное право: учебник /коллектив авторов; отв. ред. Л.А. Лазутин, В.Я. Суворова, И.В. Фёдоров. - Москва: ЮСТИЦИЯ, 2021. 400 с.

5. Петухова Н. Ю. Последствия возможного выхода России из-под юрисдикции европейского суда по правам человека // Евразийская адвокатура. 2015. №5.18 с.

Nikita Andreevich Lepekhin

Institute of State and International Law

Ural State Law University

named after V.F. Yakovlev

Yekaterinburg, Russia

e-mail: nikita_lep74@mail.ru

REASONS AND CONSEQUENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION'S WITHDRAWAL FROM THE COUNCIL OF EUROPE

Abstract: The article is devoted to the analysis of the withdrawal of the Russian Federation from the Council of Europe member states and the resulting reaction of law enforcers and possible consequences of termination of contractual obligations. Recommendations on bringing national legal acts in accordance with the Constitution of the Russian Federation and generally recognized international treaties are proposed.

Keywords: European Court of Human Rights; Council of Europe; withdrawal of Russia; exclusion of the Russian Federation

Мацыгорова Дарья Евгеньевна

Уральский государственный юридический

университет имени В.Ф. Яковлева

Екатеринбург, Россия

e-mail: macygorovaby@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ОРГАНАМИ И
(ИЛИ) ТКАНЯМИ**

Аннотация: В статье рассматривается вопрос квалификации действий, связанных с коммерциализацией оборота органов и тканей человека, акцентируется внимание на пробеле в национальном уголовном законодательстве в сфере защиты здоровья населения и общественной нравственности, предлагается редакция нормы, охватывающей такой состав преступления как коммерциализация оборота органов и тканей человека.

Ключевые слова: органы и ткани, незаконная торговля, коммерциализация оборота, биосубстрат, пробел в праве.

Прогрессирование общественных отношений приводит к изменению преступности и вынуждает государства реагировать на это изменение как на наднациональном, так и на внутригосударственном уровнях. Развитие медицины активно сказывается на жизни современного человека, но, к сожалению, не только в положительном ключе. Возможность проведения медицинских манипуляций по трансплантации человеческих органов стала не только спасением для тяжело больных людей, но и причиной появления новых видов крайне бесчеловечных преступлений.

Рынок незаконного оборота биокomпонентов человека возникает на фоне ярко выраженного дефицита органов и тканей в мире. Одной из причин

коммерциализации оборота биосубстратов служит превышение спроса над предложением. Некоторые ученые-правоведы отмечают, что основным мотивом совершения таких “аморальных” сделок является корысть (Тютюнник, 2017, 152). Только ради прибыли человек совершает крайне безнравственные сделки.

Незаконная торговля органами и тканями человека приобрела мировые масштабы (“банда черных трансплантологов”, продажа органов в Косово и т.д.), с каждым годом становясь все более общественно-опасной. Необходимо отметить, что преступные деяния в области незаконной коммерциализации оборота биокomпонентов не ограничиваются посягательством на здоровье и жизнь человека, они также наносят вред уровню нравственности в стране.

На международном уровне разработан ряд нормативно-правовых актов, целью принятия которых является противодействие торговле органами и тканями человека. Так, ст. 21 Конвенции о правах человека и биомедицине¹ закрепляет: “Тело человека и его части не могут являться источником финансовой выгоды”. Некоторые международные соглашения устанавливают ответственность за деяния, связанные с коммерческим оборотом органов и тканей человека, например, Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ по борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 25 ноября 2005 г.², Модельный уголовный кодекс СНГ³ от 17 февраля 1996 г.

РФ поддерживает запрет на коммерциализацию оборота биосубстратов человека и также вводит свои ограничения, так Закон РФ “О трансплантации органов и (или) тканей” предписывает недопустимость коммерческого оборота

¹ О правах человека и биомедицине: Конвенция от 04 апреля 1997 г. // Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007d004> (дата обращения: 15.09.2023)

² О сотрудничестве государств-участников СНГ по борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека: Соглашение от 25 ноября 2005 г. // Режим доступа: <https://base.garant.ru/2564784/> (дата обращения: 16.09.2023)

³ Модельный Уголовный Кодекс для государств-участников СНГ // Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30074120&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата обращения 20.09.2023)

органов и тканей человека под угрозой уголовного наказания⁴. В целях защиты отношений, обеспечивающих охрану общественной нравственности законодатель вводит запрет на рекламу, в которой органы и ткани человека выступают объектом купли-продажи⁵. Между тем, правоприменитель сталкивается с проблемой квалификации действий правонарушителя, поскольку в настоящее время УК РФ не предусматривает уголовной ответственности за коммерциализацию оборота биосубстратов человека.

В доктрине уголовного права вопрос криминализации действий, связанных с коммерциализацией оборота органов и тканей человека рассматривается предельно аккуратно. Так, Романовский Г. Б. придерживается мнения, что законодатель “использует ограничительную формулу” (Капитонова Е. А., Романовская О. В., Романовский Г. Б., 2016) при установлении запрета на куплю-продажу биокомпонентов. А. А. Пестрикова заявляет об общем принципе запрета на совершение коммерческих сделок в отношении биосубстратов (Пестрикова, 2018).

При квалификации действий, связанных с незаконным оборотом органов и тканей человека, следует разграничивать 2 вида преступных деяний (Кузнецов, 2012):

1. деяния, связанные с куплей-продажей человека с целью последующего изъятия у него органов и тканей;
2. деяния, связанные с куплей - продажей уже изъятых органов или тканей.

Относительно первой группы деяний, Уголовный кодекс предусматривает отдельный состав преступления - п. “ж” ч.2 ст 127.1 УК РФ. При этом данная статья регулирует отношения, связанные с торговлей людьми, но никак не с незаконным оборотом отдельных частей тела человека (Семернева, 2013). Следовательно, в случае купли-продажи или совершения иной коммерческой сделки, объектом которой являются биосубстраты

⁴ О трансплантации органов и (или) тканей: закон РФ от 22.12.1992 г. N 4180-I // Режим доступа: <https://base.garant.ru/136366/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения 01.10.2023)

⁵ О рекламе: федеральный закон от 13.03.2006 г. N 38-ФЗ // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 01.10.2023)

человека, правоприменитель не сможет использовать положения данной статьи для квалификации действий “продавца” и “покупателя”.

Во втором случае, квалификация дается гораздо сложнее. Для того, чтобы дать правильную оценку действиям субъекта преступления, нужно различать обещанную и заранее не обещанную куплю-продажу человеческого биоматериала. Если субъект заведомо знал о будущей “сделке”, то следуя предписанию ч.5 ст. 33 УК РФ, его действия могут квалифицироваться как пособничество в убийстве (ч.5 ст 33 п. “м” ч.2 ст. 105 УК) либо умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, совершенных в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего (п. “ж” ч.2 ст. 111 УК) .

Если же субъект заведомо не знал о купле-продаже человеческого биоматериала, действия виновного лица могут быть формально квалифицированы по ст. 175 УК - приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. Немного уделим внимание элементам состава преступления, закрепленного данной статьей. Незнамова З. А. утверждает, что объектом преступления (ст. 175 УК РФ) являются общественные отношения, направленные на обеспечение законной предпринимательской деятельности (Незнамова, 2013). При этом одним из факультативных признаков объекта рассматриваемого состава преступления (предметом) является имущество, добытое преступным путем - совокупность вещей, в том числе деньги и ценные бумаги, иное имущество, которое имеет материальную ценность и предназначено для удовлетворения человеческих потребностей.

Обращаясь к составу преступления, предусмотренному ст. 175 УК, мы задались вопросами: можно ли считать органы и ткани человека “имуществом”? А также всегда ли такое “имущество” добыто незаконным путем?

В настоящее время нет однозначного мнения о правовом статусе органов и тканей человека как в уголовном праве, так и в гражданском. Понятие “имущество” законодательно не закреплено, но, обращаясь, к ст. 128 ГК РФ, мы выяснили, что объектом гражданских прав признаются вещи и иное имущество,

в том числе имущественные права. Проанализировав это положение, можно прийти к выводу, что имущество - это вещь. Но можно ли назвать органы и ткани человека вещью? Позиции ученых на этот счет крайне полярны, так А. В. Майфат считает, что органы и ткани становятся объектами гражданских прав только после их изъятия из тела донора, в силу того, что операция - это процесс труда, который “передает извлекаемому материальному объекту вещную природу” (Лисаченко, Майфат, 2002). З. Л. Волож придерживается мнения, что кровь человека как составная часть организма не может расцениваться как вещь, а потому являться предметом сделки, следовательно органы и ткани человека также не подлежат оценке в качестве вещи (Волож, 1928).

Многие ученые правоведы придерживаются схожего с данным мнения о недопустимости отождествления биосубстратов человека с предметами состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК. Однако, в силу отсутствия статьи, которая бы могла урегулировать такой вид уголовно-правовых отношений, не исключается возможность квалификации заведомо не обещанной купли-продажи органов и (или) тканей человека по ст. 175 УК. Но, исходя из того, что ст. 175 УК РФ запрещает приобретение и сбыт имущества приобретенного исключительно преступным путем, законодатель тем самым ограничивает круг преступных деяний, которые бы могла регулировать данная статья. Так, например, коммерческий оборот органов и тканей человека, добытых не преступным путем (в ходе проведения операции, искусственно выращенные органы и ткани) не может быть урегулирован предписанием данной статьи. Например, при совершении врачом изъятия органов и (или) тканей у трупа с целью последующей продажи биосубстратов, его действия нельзя будет квалифицировать по ст. 175 УК. Поскольку составообразующим признаком объекта данного состава преступления является предмет, добытый преступным путем, то изъятые органы у трупа не являются таким предметом в силу предписания ст. 8 Закона РФ “О трансплантации органов и тканей человека), которая предусматривает презумпцию согласия на изъятие органов и (или) тканей для трансплантации.

Некоторые ученые вовсе настаивают на невозможности квалификации действий, связанных с коммерциализацией оборота органов и тканей человека по ст. 175 УК РФ. Так, Жинкин А. А. отмечает, что торговля органами и тканями “имеет совершенно иной родовой, видовой и непосредственный объекты” по сравнению со ст. 175 УК РФ, существующая норма не отражает сущности рассматриваемого преступления (Жинкин, 2017).

Н. Шахтина⁶, обращаясь к ст. 5 ФЗ “О погребении и похоронном деле”, устанавливающей запрет на изъятие органов и тканей у трупа (что составляет коллизию с ФЗ “О трансплантации органов и (или) тканей, поскольку закрепляет презумпцию несогласия, когда в законе о трансплантации закреплено положение о согласии на изъятие органов после смерти, если не было выражено запрета) предлагает квалифицировать действия медицинского работника по забору органов, в случае установленного запрета на их изъятие, при наличии корыстной цели или личной заинтересованности как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) или как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Между тем, необходимо сделать оговорку о том, что субъектом преступления в ст. 285 и ст. 286 УК РФ являются исключительно должностные лица. В примечании к ст. 285 УК РФ дается определение должностного лица: “лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции”. При этом, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 №19 конкретизируется каждая из функций, указанных законодателем. Таким образом, действия медицинского работника по забору органов, в случае установленного запрета на их изъятие, при наличии корыстной цели или личной заинтересованности могут быть квалифицированы по ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ исключительно в

⁶ Шахтина Н. (2015) Некоторые вопросы уголовно-правового регулирования использования биологического материала, органов и тканей человека // Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2015/10/07/nekotorye_voprosy_ugolovnopravovogo_regulirovaniya_ispolzovaniya_biologicheskogo_materiala_organov_i?ysclid=lnhujodpqc208059411 (дата обращения 04.10.2023)

случаях, если такой работник является главным врачом, заместителем главного врача, заведующим отделением и т.п. (в соответствии с п.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 №19).

Между учеными активно обсуждается идея включения в УК нового состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за совершение заранее не обещанной купли-продажи и иных сделок в отношении органов и (или) тканей человека. Теоретики аргументируют необходимость дополнения УК следующим образом: ряд предметов отдельных составов преступлений в силу их характерных особенностей охраняются специальными нормами уголовного закона, на них не распространяются нормы общего действия. Так, например, ст. 220 УК РФ предусматривает ответственность за незаконные приобретение, хранение, использование, передачу ядерных материалов или радиоактивных веществ. Действительно, признавая, органы и ткани человека объектом, ограниченным в обороте, законодателю разумно предусмотреть специальную норму, регулирующую охрану отношений в сфере законного оборота биосубстратов человека.

Однако представители данной точки зрения, сталкиваются с проблемой признания органов и тканей предметом преступления и в других составах преступления. Например, в случае посягательства на собственность граждан и юридических лиц при совершении тайного хищения органов человека из медицинского учреждения, должны ли они охраняться отдельной статьей или главой УК или действия субъекта преступления можно будет квалифицировать по общей норме уголовного закона? Стоит отметить, что в данном случае правоприменитель также столкнется с проблемой квалификации содеянного, ведь предметом хищения, по мнению Незнамовой З. А., имущество и право на имущество (Незнамова, 2013: 234). Вместе с тем, имущество как предмет хищения должно обладать следующими тремя признаками: физическим, юридическим и экономическим. Физический признак проявляется в том, что вещи можно потрогать, ощутить, экономический - вещи обладают материальной ценностью, предназначены для удовлетворения человеческих

потребностей, юридический - предметом хищения может быть только имущество, которое находится в чьей-либо собственности, в законном владении. Поскольку органы и ткани человека не признаются имуществом и вопрос о том, присущи ли им вышеперечисленные признаки остается открытым, то маловероятно, что нормы главы 21 УК РФ могут регулировать данные уголовно-правовые отношения в силу отсутствия одного из элементов составов преступления - объекта.

Несмотря на неоднородность мнений ученых, мы определенно сталкиваемся с пробелом в правовом регулировании, требующем создания специальной уголовно-правовой нормы. Прежде, чем прибегать к содержанию уголовного предписания, необходимо определить, что является объектом посягательства при незаконном обороте биосубстратов человека. Можно предположить, что объектом должны выступать общественные отношения, обеспечивающие охрану общественной нравственности и здоровья населения. Закономерно отнести расположение данной статьи в главе 25 УК.

Таким образом, для охраны общественных отношений в сфере законного оборота биосубстратов человека глава 25 УК РФ должна быть дополнена статьей, предусматривающей ответственность за незаконный оборот органов и (или) тканей человека следующего содержания: “Заранее не обещанная купля-продажа органов и (или) тканей человека, совершение иных коммерческих сделок, связанных с незаконным оборотом органов и (или) тканей человека, а равно хранение, перевозка, пересылка органов и или тканей человека, совершенные в целях их незаконного оборота наказываются ...”

Что касается уголовной ответственности, то она должна наступать исключительно за необещанный незаконный оборот органов и (или) тканей человека. Если же субъект преступления заведомо знал о намерениях других лиц получить биосубстраты человека незаконным путем, например, посредством совершения убийства или причинения тяжкого вреда здоровью, и заранее пообещал совершить куплю-продажу или иную коммерческую сделку, то в данном случае действия виновного лица не образуют состав преступления,

описанный нами выше. Такие действия будут квалифицироваться в качестве пособничества в убийстве в целях использования органов и (или) тканей человека (п. “м” ч.2 ст. 105 УК) либо в качестве пособничества в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью человека в целях использования органов и (или) тканей человека (п. “ж” ч.2 ст 111 УК РФ).

В заключение настоящей работы, хочется привести пример чтобы наглядно показать последствие отсутствия специальной уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за незаконный оборот биокomпонентов.

Летом 2013 года на всю территорию РФ прогремело “дело патологоанатомов” - казанские врачи-патологоанатомы продавали костную ткань трупов в стоматологические клиники и в Уфимский “Всероссийский центр глазной и пластической хирургии”. При возбуждении уголовного дела, действия медиков были квалифицированы по ч.1 ст 286 УК РФ, т.е. совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан. Интерес вызывает возможность применения данной статьи, поскольку объектом упомянутого состава преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность соответствующего звена аппарата управления. При этом, как мы уже указывали ранее, субъектом данного состава преступления могут выступать только должностные лица, указанные в примечании к статье 285 УК РФ. Любопытно, как правоприменитель увидел в действиях, связанных с куплей-продажей человеческих тканей посягательство на интересы государственной службы, когда, вероятно, больше страдают общественные отношения, обеспечивающие охрану общественной нравственности и здоровья населения?

Таким образом, мы наглядно убедились в наличии дефекта современного уголовного законодательства в сфере охраны законного оборота биосубстратов и необходимости дополнения действующего уголовного закона статьей,

содержащей запрет на коммерциализацию оборота биоматериала человека, в целях охраны нравственности и здоровья населения.

Библиографический список

1. Волож З. Л. Право на кровь // Вестник сов юст. Харьков, 1928. №7.
2. Жинкин А. А. Торговля органами и (или) тканями человека: перспективы криминализации в УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №10.
3. Капитонова Е. А., Романовская О. В., Романовский Г. Б. Правовое регулирование трансплантологии: моногр. М.: Проспект, 2016. 144 с.
4. Кузнецов В. Ю. О перспективах криминализации незаконного оборота органов, тканей и (или) клеток человека // Актуальные проблемы российского права. 2012. №1.
5. Лисаченко А. В., Майфат А. В. Тело человека, определенные его части как объекты правового воздействия // Юридический мир. 2002. № 2. С. 4-15.
6. Незнамова З. А. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. - 5-е изд., изм. и доп. - Москва : Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. - 912 с. ISBN 978-5-91768-371-3. - Текст : электронный.
7. Пестрикова А. А. Международные стандарты правового регулирования биомедицинских клеточных продуктов // Медицинское право. 2018. № 3. С. 26–29
8. Семернева Н. К. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. - 5-е изд., изм. и доп. - Москва : Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. - 912 с.
9. Тютюнник И. Г. Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ. М.: Юстицинформ, 2017. 152 с.

Darya Evgenievna Matsygorova

student of the group of the Institute of the Prosecutor's Office 310 С

Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev
Yekaterinburg, Russia
e-mail: macygorovaby@mail.ru

**CURRENT ISSUES OF QUALIFICATION OF ACTIONS RELATED TO
TRADE IN HUMAN ORGANS AND (OR) TISSUE**

Annotation: The article examines the issue of qualification of actions related to the commercialization of the circulation of human organs and tissues, focuses on the gap in the national criminal legislation in the sphere of protecting public health and public morality, and proposes an edition of the rule covering such a crime as the commercialization of the trafficking of human organs and tissues.

Key words: organs and tissues, illegal trade, commercialization of circulation, biosubstrate, gap in law.